

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «СТАЛКЕР»

Аркадий и Борис Стругацкие. ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ
Дмитрий Силлов. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО

НОВАЯ ЗОНА

Сергей Недоруб. ЛИЧНОСТЬ КЛИЕНТА
Сергей Клочков. ВРЕМЯ ТУМАНОВ
Евгений Прошкин, Олег Овчинников. КОНТУР БОЛИ
Сергей Слюсаренко. КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАТЕЛЬНОЕ
Роман Куликов. ЦЕПЬ СУДЬБЫ
Дмитрий Володихин. ТИХОЕ ВТОРЖЕНИЕ
Сергей Недоруб. ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ
Сергей Слюсаренко. КРОМЕШНЫЙ СВЕТ
Сергей Клочков. В РАЙ БЕЗ ОЧЕРЕДИ
Юрий и Татьяна Бурносовы. ТОННЕЛЬНАЯ КРЫСА
Григорий Елисеев. ИГРА ВСЛЕПУЮ
Сергей Недоруб. ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ
Роман Куликов. ПРОЕКТ «МИНОТАВР»
Игорь Недозор. ПЕРВОПРОХОДЦЫ АДА
Светлана Кузнецова. ХОЗЯЕВА МОСКВЫ
Сергей Недоруб. ДРУЗЬЯ ДРУЗЕЙ
Игорь Недозор. ТРОПА МЕРТВЫХ

РАДИАНТ ПИЛЬМАНА/ЗОНА ПОСЕЩЕНИЯ

Андрей Альтанов. ИГРЫ С ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ПРЕДЕЛ ЖЕЛАНИЯ
Илья Тё. ТОПОТ БЕССМЕРТНЫХ
Сергей Вольнов Владимир Колчин. В СПЯЩЕМ РЕЖИМЕ
Андрей Альтанов. ТРОПАМИ ТЕНЕЙ
Сергей Вольнов Владимир Колчин. ПЛАТА ЗА ВЫХОД
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ИСПЫТАНИЕ СИЛОЙ
Игорь Минаков, Максим Хорсун. БРОДЯГА ДИК
Александр Тюрин. ЛУЧ ИЗ ТЬМЫ
Александр Щёголев. ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ
Сергей Вольнов, Евгений Смагин. ЗАЛОЖНИКИ НЕБЕС

ЗОНА БУДУЩЕГО

Сергей Вольнов. ПРЫЖОК В СЕКУНДУ

СТРАКЕР

Игорь Недозор

[НОВАЯ ЗОНА]
ТРОПА МЕРТВЫХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н42

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

Серийное оформление Э. Э. Кунтыш

Компьютерный дизайн А. И. Смирнова

Иллюстрация А. С. Руденко

Недозор, Игорь.

Н42 Новая Зона. Тропа Мертвых : [фантастический роман] / Игорь Недозор. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (СТАЛКЕР).

ISBN 978-5-17-091322-0

Московская Зона внезапно расширилась. Теперь кроме нее есть и Внешнее кольцо, где чистые земли соседствуют с полями аномалий, а реки и подземные воды из разорванных глубинных пластов образовали Новомосковское море, кишашее мутантами. Вскоре из-за нового Периметра стали приходиться угрожающие известия о непонятных явлениях, загадочных происшествиях и являющихся неизвестно откуда таинственных существах. Чтобы раскрыть эти тайны, туда отправляется преуспевающий питерский журналист Виктор Рузин. Отныне он — сталкер Умник, наравне с другими разыскивающий артефакты и сражающийся с хищными тварями и бандитами. Но судьба сыграла с ним и со всеми жителями Новой Зоны злую шутку — неведомый барьер из тумана вдруг отрезал их от Большой Земли. И Виктору ничего не остается, как отправиться на поиски выхода вместе с командой отчаянных бойцов, во главе которой бывалый сталкер Дракон. Путь этот обещает быть долгим и очень опасным, грозя стать тропой к смерти. Куда она приведет и все ли смогут сойти с нее?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091322-0

© И. Недозор, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

Глава 1

г. Санкт-Петербург

...У трапа Виктор, пару раз притопнув, машинально отряхнул от снега «берцы».

Настоящие американские «маттерхорны», не китайскую или там турецкую подделку. Прочные, очень удобные и столь же дорогие, но своих денег стоящие – с нескользящей подошвой и особыми металлическими вставками, чтобы не подвернуть ногу на диких тропинках и буреломах.

Уже через минуту он откинулся в кресле, отхлебнул из фляги и по примеру соседей закурил. Неужели домой?.. Хорошо, черт возьми!

В салоне Ан-72 он ничем не выделялся среди устроившихся здесь офицеров. Тот же камуфляж средней потертости, та же ушанка, такое же обветренное лицо.

Одним словом – *свой*.

Да, собственно, Виктор уже и стал для них своим.

Теперь каких-то пара часов, и он будет в Кубинке. Оттуда армейская попутка докинует до Москвы, а там, «согласно купленным билетам», «Сапсан» и родной Питер.

Сегодня вечером он таки окажется дома, в старой уютной квартире на Лиговке, и наконец-то сможет помыться и отдохнуть по-человечески.

Впервые за два с лишним месяца.

«Ты да я, да я да ты — летим с войны!» — насвистел под нос мотивчик Ивана Демьяна.

А что может быть лучше, чем возвращаться с войны целым и невредимым?

Еще раз отхлебнул из горлышка.

Не местная паленая водка, которой эти края обеспечивают всю Россию (и ближнему зарубежью достается), а настоящий «черноэтикеточный» «Джонни Уокер». Сбереженная еще с момента приезда бутылка, последняя. Остальные распиты на блокпостах и в блиндажах с прапорщиками, капитанами, полковниками да с прочим военным людом. Репортажи да сюжеты добываются не только головой, но и печенкой...

Оглянулся в хвост «аэробуса», где, развалившись в узком кресле, храпел Петька Мотрин — оператор его маленькой съемочной группы. Его так и привезли на аэродром. Успел, паразит, нажраться с десантурой в Ханкале. Давно б выгнали алконавта, так какой нормальный будет мотаться в командировки по разным задницам мира вроде Либерии или Пакистана? Да и оператором Петр был, что называется, от бога.

Рузин еще раз отхлебнул виски и передал флягу с вождением смотревшему на нее соседу, молодому капитану-«пушкарю». Мы ж здесь вроде как все свои. Пусть парень выпьет за его удачу. Не каждому так везет на войне.

Вот к третьему члену их команды, Максу Аверину, она повернулась задом. Лежит в госпитале, подорвавшись в рейде с разведгруппой на фугасе, и встанет с койки не раньше, чем через месяц.

Да и для кого беречь элитный напиток? Уж точно не для Петьки — тот так насосался паленой водяры, что до Питера не протрезвеет. Эх храпит!

Немолодой небритый пилот, высунувшись в салон, попросил пристегнуть ремни.

Под гул турбин они взлетели, тяжело разбежавшись, и за иллюминатором, покачнувшись, уплыла вниз заснеженная земля Кавказа.

По салону разнесся водочный запах — нетерпеливые офицеры распечатали пронесенные с собой на борт бутылки.

— Друг, у тебя еще вискаря нету? — обратился к нему сосед-артиллерист, с огорчением изучавший осушенную флягу.

Он вежливо покачал головой и устался в иллюминатор.

Хм, однако ж...

Виктор сперва даже не сообразил, что это за яркая стремительная точка несется в их сторону с земли. А потом вдруг понял...

— Мать... ё-моё!!! — взвыл над ухом сиреной капитан.

Ан-72 резко пошел вниз, хлопнула в хвосте тепловая ловушка — экипаж пытался уклониться от ПЗРК. Рузин ощутил, как тело вмиг превратилось в какой-то непонятный студень. То ли виновата была невесомость, ибо самолет почти ушел в пике, то ли страх. Точнее, СТРАХ!

Он не раз и не два видел сбитые самолеты и вертолеты. Не далее как три недели назад снимал место гибели вот так же сбитого Ил-76. Просто спекшаяся до кирпичной твердости земля, а на ней кое-где из-под пепельных обломков торчат обугленные кости, обгорелое тряпье и сизые от огня стволы — то, что осталось от еще недавно полных жизни людей. Семьдесят человек как корова языком... И неотвязчивый, снящийся потом по ночам запах «жаркого», перебивавший ароматы сгоревшего пластика и топлива.

Вот сейчас взрыв ПЗРК разворотит фюзеляж, и подбитый самолет, содрогнувшись и волоча за собой шлейф дыма, рухнет вниз.

Боеголовка лопнула со звуком исполинской петарды в какой-то паре метров от их «борта». Осколки с легкостью прошли дюраль, внутреннюю обшивку, спинки кресел, человеческие тела... Фюзеляж в корме вмиг превратился в решето. Пшикнула декомпрессия, пошли паутиной блистеры иллюминаторов, заорали раненые... Погас свет... Потом с грохотом слетел поврежденный запор, и отвалилась кормовая аппарель...

Виктор увидел в проеме грузового люка темнеющее зимнее небо с бриллиантами звезд и подумал, что это, наверное, последнее, что он видит в жизни... Несколько человек в ужасе вскочили, словно собираясь куда-то бежать, и тяга пронесшегося по салону воздушного потока унесла их наружу, вниз... И тут из нарукавного кармашка, где лежала недавно купленная «Нокиа», раздалась мелодичная трель... Машинально Виктор протянул руку к трубке, про себя поразившись нелепости ситуации. Через считанные секунды самолет рухнет камнем вниз в ореоле коптящего пламени, а он собирается отвечать на звонок...

* * *

Виктор Рузин открыл глаза.

Лежавшая на тумбочке рядом с финским диваном новенькая «Лумиа 930» мелодично посвистывала. На дисплее дорогого гаджета высвечивалось время – 07:30. За окном тускло-серым разгорался рассвет, скудный петербургский рассвет обычного летнего дня.

Начинался новый день. Предстояло ехать на работу, являться пред пресветлые очи шефа, писать очередные статьи, планировать очередные репортажи. Тут отпуск на носу, но начальство считает, что отпуск отпуском, а работа должна быть сделана. И никого не интересуют ни личные проблемы лучшего обозревателя едва ли не лучшего медиа-холдинга города, ни его испорченные нервы, ни то, что ему все это слегка осточертело.

Сон еще этот, воспоминание о том, что случилось с Виктором полгода назад в *крайнюю* командировку на юг. Тогда мастерство пилотов позволило-таки посадить неповоротливый транспортник на заснеженное поле. Потом говорили, что шансов было сильно меньше, чем один к ста. А больше всего повезло Петьке, он даже не проснулся, в себя пришел лишь в Ростове-на-Дону, куда их вывезли «вертушками».

Ну да ладно, пора одеваться-собираться.

Через пятнадцать минут свежий и в меру благоухающий дорогим парфюмом Виктор поймал такси (его собственный

«Шевроле» был второй день в ремонте). Еще через сорок пять минут он уже расплатился «пятихаткой» с водилой, молчаливым восточным человеком, на беджике которого было обозначено имя — не то Самир, не то Багир какой-то там оглы, и направился к шестиэтажному зданию, занимаемому его конторой.

Предъявил бойцу охраны на входе какой-то пропуск, и лишь войдя в лифт, понял, что показывал парню членский билет «Петербургского стрелкового клуба».

Впрочем, его отец как-то месяц проходил в свой номерной НИИ по папиросной коробке. Хотя что-то в России неизменно — извечные разгильдяйство и пофигизм.

Вот и третий этаж, где квартирует его редакция спецпроектков.

— Ты, ...ло!! Ты что думаешь, буй зеленый, ты такой особенный! — донесся из-за ближайшей двери яростный женский вопль. — Чего хлебало растопырил? Ты что думаешь, самый умный, да? Не долби мне мозги!! Еще раз сунешь наш материал в редакцию светской хроники этой выдре крашенной, хрен с корнем оторву и съесть заставлю с кетчупом! Понял?!

Виктор остановился послушать.

Было чему поучиться.

Начальница отдела кабельного и интернет-вещания и местная секс-бомба, мечта всех мужчин холдинга Вероника Бредова общалась с подчиненными.

Без мата Ника обходилась только в двух случаях: в прямом эфире и во время интервью. А помимо этого могла послать кого угодно не то что по матушке, но и по всему генеалогическому дереву. Причем в таких изысканных выражениях, что даже оказавшиеся вдруг поблизости воры в законе и те лишь уважительно покачали бы головами.

— Думаешь, не знаю, что ты с ней спишь? Нет, ты полагаешь, я этого не знаю?! — продолжала бушевать Бредова. — Смотри у меня, жопу на глаза натяну, очки от говна протирать загребешься! Понял меня? Хорошо понял?!

Посмеявшись про себя, Рузин открыл свой кабинет и устроился перед компьютером.

На противоположной стене над вторым столом чуть не полстены занимал яркий глянцевый постер салона магических услуг «Ксальтотун», украшенный портретом демонического облика девицы, на руках которой сидел здоровенный котяра угольно-черной расцветки, оскаливший пасть с двойным набором клыков. Изображал он, как помнил Виктор, хозяйку «Ксальтотуна» Лину Юферс (она же Оксана Прищепа, бывшая артистка Симферопольского драмтеатра) и ее кота-мутанта Грома.

Постер повесил сосед Виктора по кабинету, ведущий программы «Магический кристалл» и личный друг половины российских колдунов и магов Коля Басов.

Виктор послал воздушный поцелуй прекрасной чародейке, и тут зазвонил телефон на рабочем столе.

— Рузин? — буркнул Кушнарев. — Ты на месте? Чтоб через пять минут был у меня в кабинете. Мухой!

— А что случилось-то?

— Через пять минут. — Металла в голосе шефа хватило бы на пресловутый танк «Оплот». — Все на месте объясню...

— Но...

— Ту-ту-ту-ту, — загудела брошенная на том конце трубка.

— Ну да, бегу, уже ногу сломил! — саркастически бросил он. — И с чего бы такая спешка?

* * *

Поднявшись на второй этаж, начальник Восточного отдела прошествовал к кабинету шефа.

В приемной было пусто.

Толкнул дверь и заглянул вовнутрь.

— Проходи! — рывкнули из глубины кабинета. — Чего жмешься, как гимназист у дверей борделя!

Виктор зашел. Привычно оглядел обширное помещение. Все было как всегда — со вкусом подобранная мебель темного дуба, разноцветные дипломы на стенах, призы в отдельном шкафчике, сувениры из разных уголков Земли — от бразильских карнавальных масок до тибетских бронзовых уродцев.

За солидным полированным столом овальной формы восседал высокий, седой, стильно одетый подтянутый мужчина неопределенного возраста, с умным сухощавым лицом американского сенатора, украшенным дорогими очками в тонкой оправе белого золота. Председатель совета директоров и генеральный директор медиа-холдинга «Невский проспект» Сергей Иванович Кушнарев собственной персоной.

— Ты быстро, — буркнул Иванович вместо приветствия. — Это хорошо, правильно. Присаживайся, в ногах правды нет.

Потом гибко, словно не разменял шестой десяток, поднялся и принес из комнаты отдыха бутылочку старого армянского коньяка, нарезанный аккуратными лепестками лимон и блюдечко с так же тонко нарезанным хамоном и пармезаном.

Виктор понял, разговор обещает быть долгим и непростым. И, похоже, не очень приятным.

Точно так же было перед той африканской командировкой, когда его группа отправилась в самый ад, где за неделю до того аборигены зажарили и сожрали французских коллег, причем прямо на местной площади Независимости.

Кушнарев разлил янтарный напиток по маленьким золоченым рюмочкам. Они выпили, и шеф закусил ломтиком лимона на пармезане.

Коньяк Сергей Иванович предпочитал пить так, как пили его в давние года русские офицеры, заедая «гвардейским пыжом»: лимонным колечком с сыром.

И никаких «Наполеонов», «Камю» с «Курвуазье» и прочих «Мартелей»! Исключительно наши, в смысле армянские, да не какие-то, а конкретно Ереванского коньячного завода: «Арагат», «Отборный», «Двин», «Юбилейный»... Старая привычка еще советского дипломата.

Шефа Виктор уважал, пожалуй, как немногих в этой жизни людей.

Человек, сам себя сделавший и сделавший пресс-холдинг, в последнем европейском рейтинге занимающий место в первой сотне, пусть и девяносто седьмое.

Детдомовец, окончивший суворовское училище и Рязанское училище ВДВ, отвоёвавший два года в Афганистане

(«Знамя» и две «Звездочки»), поступивший в военно-дипломатическую академию и окончивший ее с отличием и, считай, без протекций направленный помощником военного атташе — и не куда-нибудь в Африку, а в Испанию.

Крест на его так удачно начавшейся дипломатической карьере, как и у многих людей его круга, поставил девяносто первый год. 19 августа Кушнарев имел неосторожность публично высказать одобрение ГКЧП на пресс-конференции, куда струхнувшее начальство послало его, как на амбразуру, давать пояснения местной прессе по московским событиям.

Он ушел почти в никуда, но вот выплыл из безвременья девяностых, в котором сгинуло куда как много ловких да умных, и выплыл знаменитостью, с которой ручкались министры и олигархи.

Кушнарев налил по второй. Выпили, не чокаясь. Шеф со вздохом закрыл бутылку, подмигнул стоящему в нише шкафа «на удачу и вспомоществование» серебряному образу святого Спиридона Тримифунтского, помолчал.

Не знай Виктор шефа уже седьмой год, решил бы, что тот в растерянности.

— В общем, наклеывается тема, — перешел Кушнарев к сути дела. — И никто, кроме нас, как написано на шевронах нашего героического спецназа... В смысле, никто, кроме тебя, ее не поднимет. Уж ты мне поверь.

«А шеф, похоже, коньячку уже хорошо причастился-то, — отметил Рузин. — С утра... М-да, необычно...»

— Потому собирайся-ка, дружище, в командировку, — подытожило начальство. — Сегодня же получишь деньги, ну, там, суточные-представительские, и вперед.

И прежде чем Виктор что-то возразил, сказал как припечатал:

— Поедешь в Зону. Само собой, в новую, Московскую. Ожидаю от тебя цикла репортажей. Что для канала нашего, что для бумажных изданий, у них, кстати, тиражи-то подросли, за что в том числе тебе спасибо...

Балагурающий шеф наполнил рюмки по новой.

— А как же мой отпуск? — растерянно пробормотал Виктор.

— Потом отгуляешь, — не допускающим возражения тоном произнес Сергей Иванович.

— Но у меня... планы... — начал было журналист.

— Никак с зазновой на Канары собрался? Так не убежит она от тебя, а убежит, так на черта такая зазноба! — добродушно пробурчал Кушнарев.

«Да, злоупотребил Иваныч!»

— Нет, в Казань хотел прокатиться, пострелять немножко.

— Да? Ну и в кого ж ты там стрелять собрался? — изумился Кушнарев.

И в самом деле, какая, к черту, стрельба в мирной Казани в мирном Татарстане? Это ж не Кавказ или Ближний Восток, в самом деле! Вроде агентов «Исламского государства» там пока не наблюдалось (тьфу-тьфу).

— В Казани на следующей неделе открывается третий европейский фестиваль пейнтбольных команд! — терпеливо, как на лекции, пояснил Рузин.

— А! — враз поскукчел Кушнарев. — Я и подзабыл, ты ж у нас на пострелушки эти мотаешься...

Как почти всякий профессиональный военный, он с некоторым презрением смотрел на пейнтбол и пейнтбольщиков.

— Но уж извини, ты ж понимаешь, пейнтболом и прочим у нас занимаются или в свободное от работы время, или вместо нее.

Виктор уныло кивнул. Прозрачный намек, что незаменимых нет, и после известных событий в Москве талантливых журналистов хоть пруд пруди, свистни только.

Шеф позволял своим сотрудникам многое, но при одном условии: если это не вредило работе.

— Вопросов больше нет? — сухо осведомился Кушнарев.

Рузин лишь печально кивнул.

— Ну, вот и славно. У матросов нет вопросов! А теперь перейдем к сути дела. Посылаю я тебя формально для того, чтобы ты собрал материалы, посвященные жизни Зоны и отдельно быту сталкеров, а также разнообразным аномалиям. Само собой, гребь все, что покажется интересным. Про Но-

вомосковское море и его обитателей, про местных жителей, самоселов и не успевших уйти, в общем, что сочтешь нужным. Если что, редакторы разберутся, они ж за что-то зарплату получают. Но вот есть кое-какие вещи, на которые тебе надо бы обратить особое внимание... Я вот тут вспомнил кино старое, «В зоне особого внимания». Из-за него, собственно, я в десантуру и подался... Ладно, — оборвал воспоминания шеф. — Дело в том, что с Зоной... как бы это сказать... в последнее время невесть чего происходит. С ней и всегда черт-те что творилось, на то она и Зона. Но кое-что, знаешь ли, выяснилось в последнее время. Не очень вписывающееся в, скажем так, картину мироздания даже со всеми поправками, — Кушнарев вдруг заговорил напряженно и непонятно. — В общем, постарайся особое внимание обращать на необычные вещи, так сказать, *совсем*, — он неопределенно прищелкнул пальцами, — нестандартное. С людьми пообщайся, у тебя это получается, я знаю. Чуйку включи, она у тебя любому Штирлицу впору, — добродушно улыбнулся шеф, хотя глаза его оставались мрачно-напряженными. — Поговори, поразнюхай...

— Признаться, Сергей Иванович, я мало что понял, — озадаченно процедил Виктор.

— Если б я сам понимал все до конца! — раздраженно фыркнул Кушнарев. — Тут, понимаешь, дело непростое и значительное. Не об одних сенсациях и рейтингах речь. Мы все-таки, блин, четвертая власть, если ты, конечно, об этом помнишь! Дело может оказаться куда как важным. Для России и, не побоюсь этого слова, мира. То, что Зона расширилась, да еще и так сильно, — это само по себе плохо. Но вот Внешний Круг — это, как ни крути, нечто, чего прежде не было... На вот, считаешь на досуге.

Кушнарев вытащил из ящика стола пачку листов. На первом Рузин с удивлением узрел надпись: «Инструкция по эксплуатации ТН-1676».

— Материалы по кое-каким явлениям и проявлениям за Периметром, — тут же пояснил шеф. — А название — это так, для маскировки. Содержимое изучишь на досуге. И не вздумай сканировать, а то знаю я вас. Потому как материалы эти

попали к нам не вполне законно, а в бумагу в отличие от разных гаджетов никто еще по проводам не залезал, уж извини начальника-ретрограда, но так будет надежнее, — ослабил-ся шеф. — А вот одно видео ты посмотришь прямо сейчас, уж извини, но навынос тебе я его не дам. Опять же, я доверять-то доверяю, но не надо бы, чтоб эта съемка вдруг всплыла в Интернете. Потому что люди, которые мне ее добыли, пострадать могут.

Он воткнул старенькую флэшку в разъем, и на экране директорского ноутбука побежали картинки среднего качества с мигающими в углу цифрами времени и даты двухнедельной давности.

Виктору была знакома техника записи. Стандартная оперативная съемка с места преступления — таких видео пересмотрел за свою жизнь сотни и сотни. Даже то, что на ней на десятой секунде появился труп, не впечатлило — он трупов за свою карьеру насмотрелся побольше, чем иной могильщик.

Дело происходило на окраине какого-то города. На заднем плане маячили уже порядком обветшавшие пятиэтажки типичной российской провинции. И опера, мелькавшие в кадре, были под стать обстановке — затурканные, просто-вато выглядящие провинциальные менты.

Люди проходили мимо, боязливо огибая ограждавшую место происшествия желтую ленточку.

За кадром женский голос скороговоркой частил информацию. Дело происходило в пригороде Вереи.

Дама один раз оговорила, произнесла «мертвый труп», и Виктор невольно улыбнулся. Что тут особенного, мертвый труп, эка невидаль? Вот если бы труп был живой для разнообразия.

Оператор остановил картинку на потерпевшем. Тот и в самом деле был вполне мертв, что называется, мертвее не бывает. На животе — обугленная дыра, куда можно было бы просунуть кулак средних размеров. Типичный, так сказать, труп...

Ан нет, не типичный. Покойник был одет уж больно нестандартно для средней полосы России.